

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| Машинный поворот: изобретение вместо методологии |

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

Россия, Санкт-Петербург.
 Санкт-Петербургский государственный университет. Философский факультет.
 Центр медиафилософии. Научный сотрудник.
 Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии.
 Научный сотрудник. Кандидат философских наук.

Russia, St. Petersburg.
 St. Petersburg State University. Faculty of Philosophy. The center of mediaphilosophy. Researcher.
 St. Petersburg branch of the Russian Institute of Cultural Research. Researcher, PhD.

mikhail.stepanov@gmail.com

МАШИННЫЙ ПОВОРОТ: ИЗОБРЕТЕНИЕ ВМЕСТО МЕТОДОЛОГИИ ИНТЕРВЬЮ ГЕРАЛЬДА РАУНИГА МИХАИЛУ СТЕПАНОВУ

Перевод с немецкого Михаила Степанова

Постиндустриальная технологическая цивилизация требует и новых технологий исследования. Понятие машины, социально-политически затронутое ещё Карлом Марксом, приобретает в настоящем поистине тотальное значение оставаясь при этом до конца не проясненным. Начиная от постоянных предсказаний и визионерских восклицаний о киборгах, сводящих машину лишь к технической машине, поголовной гаджетизации и аватарной дубликации в социальных сетях — капиталистическая машина становится биополитической мегамашинной. Понятие «всеобщий интеллект», используемое Марксом, под которым он понимает коллективное знания во всех его формах (науки, практическое знание производства) — находится в центре современной критики постиндустриального или когнитивного капитализма. Современная критика расширяет «всеобщий интеллект» Маркса на обширные области общего знания и новые формы социальных и межличностных отношений, социальных взаимодействий.

Проблематику машинного вслед за итальянскими марксистами операционистами и шизоанализом Феликса Гваттари использует и исследует Геральд Рауниг. Чтобы выяснить, на сколько продуктивным может быть использование концептуализации машины в аналитики социальных, политических и художественных практик мы обратились к проф. Геральду Раунигу.

Уважаемый профессор Рауниг, на русском языке вышла в свет Ваша книга «Искусство и революция», где в качестве методологического принципа Вы используете концепт «машинь», и, вместе с тем, развиваете понятийный аппарат Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Как Вы полагаете, в каких областях наук о культуре может быть плодотворна эта концептуализация? На какие культурологические вопросы понятие «машинь» предлагает ответ?

Простите, если я не дам непосредственного ответа на Ваш вопрос применительно к проблематике культурных исследо-

Ключевые слова: теория машинного, машина, поворот, методология, когнитивный капитализм, всеобщий интеллект, изобретательность

Machine turn: Invention instead of Methodology — Interview with Gerald Raunig

Post-industrial technological civilization demands new research technologies. Beginning from continuous predictions and exclamations about cyborgs reducing the machine to a completely technical level, universal gadgets and avatar duplications in social networks — the capitalist machine becomes a biopolitical megamachine. The concept "general Intellect", used by Marx to explain collective knowledge in its various forms (the sciences, practical knowledge of production) — is at the center of modern, post-industrial criticism or cognitive capitalism. Modern criticism expands Marx's "general Intellect" in regard to extensive areas of general knowledge and new forms of social and interpersonal relations, as well as social interactions.

Key words: machine theory, machine, turn, methodology, cognitive capitalism, general intelligence, invention, Gerald Raunig

ваний. Понятие «машинного», на мой взгляд, прежде всего, указывает на давнюю проблему истории философии, которая часто обозначается как антропоцентризм. Выступая против классических теорий субъекта, можно было бы возразить, что производство, борьба, любые движения возникают между машинными отношениями, участвуют в их выстраивании, в потоках кооперации и коммуникации. Машины здесь — это ни в коем случае не просто технические аппараты, а, прежде всего, социальные машины, отношения между телами, вещами и социальными институтами. В частном случае «Искусства

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| Машинный поворот: изобретение вместо методологии |

Геральд Рауниг (Gerald Raunig)

Философ и теоретик искусства, работает в Цюрихском институте искусств на факультете искусств и медиа / Zürcher Hochschule der Künste, Departement Kunst und Medien и в eipcr (Европейский институт прогрессивной культурной политики / European Institute for Progressive Cultural Policies); координатор транснациональных исследовательских проектов eipcr republicart (<http://republicart.net>, в 2002–2005), transform (<http://transform.eipcr.net>, в 2005–2008) и Creating Worlds (<http://creatingworlds.eipcr.net>, в 2009–2012). Защитил докторскую диссертацию и venia docendi по философии в институте философии университета Клагенфурта / Universität Klagenfurt. Редактор книжных серий “republicart. Kunst und Öffentlichkeit « (с 2003 года) и «es kommt darauf an. Texte zur Theorie der politischen Praxis» (с 2005) в Венском издательстве Turia+Kant, а также серии «Inventionen» (с 2011) в издательстве diaphanes, Цюрих / Берлин. Член редакции многоязычного веб-журнала transversal <http://transversal.eipcr.net/> и журнала радикально-демократической политики в области культурного строительства Kulturrisse (<http://www.igkultur.at/kulturrisse>).

Основные книги

Искусство и революция. Художественный активизм в долгом двадцатом веке. — СПб: Европейский университет, 2012;

in DE: **Kunst und Revolution.** Künstlerischer Aktivismus im langen 20. Jahrhundert, Wien: Turia+Kant 2005

in Eng: **Art and Revolution.** Transversal Activism in the Long Twentieth Century, translated by Aileen Derieg, New York/Los Angeles: Semiotext(e)/MIT Press 2007;

PUBLICUM. Theorien der Öffentlichkeit, Wien: Turia+Kant 2005 (hg. gemeinsam mit Ulf Wuggenig); Kritik der Kreativität, Wien: Turia+Kant 2007 (hg. gemeinsam mit Ulf Wuggenig)

in Eng: **Critique of Creativity,** London: mayflybooks 2011 (Ed., with Gene Ray and Ulf Wuggenig).

Tausend Maschinen. Eine kleine Philosophie der Maschine als sozialer Bewegung, Wien: Turia+Kant 2008;

in Eng: **A Thousand Machines,** translated by Aileen Derieg, New York/Los Angeles: Semiotext(e)/MIT Press 2010;

Instituierende Praxen. Bruchlinien der Institutionskritik, Wien: Turia+Kant 2008 (gemeinsam mit Stefan Nowotny);

Kunst der Kritik, Wien: Turia+Kant 2010 (hg. gemeinsam mit Birgit Mennel und Stefan Nowotny);

Inventionen 1 (hg. gemeinsam mit Isabell Lorey und Roberto Nigro), Zürich/Berlin: diaphanes 2011.

и революции», речь у меня шла, прежде всего, об отношениях *Между* искусством и революцией, о союзе И, стоящем между ними. В первом случае эти отношения осмысливались как вмешательство (Intervention) в различные поля истории и теории искусств, а также в актуальные процессы, происходящие в этой сфере. Попытка демонстрации продуктивных сопряжений искусства и политики, и даже искусства и революции, — это определенная провокация для данных социальных полей, в которых безраздельно властвует тщательное отделение эстетического от политического. Вместе с тем, я ни в коем случае не раз-

деляю позиции Вагнера или Бойса, полагающих, что искусство следует поставить над жизнью или наоборот. Напротив, речь, пожалуй, может идти о темпоральных нахлестах, конкретных конфигурациях этого И, в которых сингулярности не унифицируются. В исторической проекции долгого XX столетия можно обнаружить, например, в раннем русском авангарде, что имелись очень разные виды сопряжений. В моей концептуализации я показываю одно последовательное сопряжение, одно иерархическое, даже одно негативное сопряжение. Больше всего меня интересовали трансверсальные сопряжения, которые возникли, прежде всего, в последние два десятилетия между художественной практикой и революционным активизмом. И я считаю, что в сегодняшней России имеется превосходный пример этого вида сопряжения. Коллектив «Что делать?» (<http://www.chtodelat.org/>) своими художественными, публицистическими, философскими и активистскими стратегиями сформировал практику, которая в контексте неолиберальной трансформации страны обнаруживает новые и иные эффекты чем, например, проанализированные мною в «Искусстве и революции» критикующие глобализацию практики ФольксТеатр-Каравана. «Что делать» — это образцовая трансверсальная и транслокальная практика, которая, однако, что интересно, воспринимается лучше вне России, чем «дома». Вероятно, здесь также дает о себе знать определенный консерватизм культурного поля.

В Вашей следующей книге «1000 машин» Вы обращаетесь к концептуализации машины в европейской философии последних двух столетий, к марксистской традиции, в частности, к итальянскому постопераизму. Как Вы полагаете, можно ли говорить, что происходит очередной «поворот» в гуманитарных науках, своего рода «машинный поворот»?

Это хорошо, что наряду с Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, Вы указываете на второй важный источник для моего исследования машин. Конечно, марксизм Тони Негри, Паоло Вирно, Маурисио Лаззарато и других представителей постопераизма в настоящее время сильно задействован, и прежде всего, из-за изгнания итальянских мыслителей с их родины. После репрессии «autonomia operaia» («Рабочей автономии») марксизм воспринял кое-что из французского постструктурализма. «Фрагменты о машинах» Маркса особенно ценны, они снова провоцируют недогматическое, иногда еретическое обсуждение его текстов, которое так плодотворно велось в различных частях мира в 1950-е и 1960-е годы, наряду с происходящими сталинскими и другими государственными и социальными катастрофами. Я полагаю, что не только интерпретации неолиберального капитализма, но и развитию альтернатив и сопряжению различных теорий с актуальной социальной борьбой можно учиться по этим теоретическим и практическим опытам. Сегодня ясно, что капитализм не просто эксплуатирует живой труд индивидуальных субъектов-трудящихся, это как раз и есть машинные потоки, которые возникают в кооперации, коммуникации, в отношениях, одновременно приводимых в действие и эксплуатируемых капиталистической системой. Эта новая форма эксплуатации работает не только над подчинением субъектов, но и над машинным порабощением отношений, потоков аффектов, коллективного производства желаний. Всеобщий

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| Машинный поворот: изобретение вместо методологии |

интеллект как никогда прежде становится ценен. Это прекрасно видно не только в социальных медиа и других феноменах Web 2.0, но и в новейших экономических инструментах, таких как Crowd Sourcing, Prediction Markets и других. Если следовать только «Фрагментам о машинах» Маркса, — и это одна из самых значительных, но также и очень по-разному толкуемых предпосылок постопераизма — в возрастающем повышении ценности всеобщего интеллекта можно распознать признаки будущей свободной ассоциации свободных людей. В наших силах поддержать эту практику через сопряжение дискурсивных и социальных машин.

«Машинный поворот» в этой перспективе — не возврат к классическому гуманизму, а распространение концепта «человеческого» на нечеловеческие элементы, указание на сложность и многосоставность отношений человека с окружающей средой. Здесь налицо противостояние фантазиям о бестелесном существовании и автономии, унаследованным от гуманизма. Как относится «машинный поворот» к лингвистическому, онтологическому, антропологическому, перформативному, телесному, медиальному, иконическому и другим поворотам?

Этот «машинный поворот», если вообще вдаваться в модную проблематику «поворотов», ни в коем случае не следует понимать согласно многим социально-, культурно- или литературно-научным заявлениям о «поворотах», которые хотят привести произошедшую общественную трансформацию к понятнейшему знаменателю и по возможности лучше ее описать. «Машинный поворот» не может просто эмпирически охватывать те трансформации, которые ведут от классического понятия «машины» эпохи модерна через индустриальный капитализм к парадигме когнитивного капитализма. Он должен само понятие машины привести к сплавлению различных смыслов, изобрести новые потенциалы сопротивления, которые нужно искать, скорее, в машинных потоках, чем в старых формах сопротивления. «Машинный поворот» включает не только описательный метод, но и некий заданный план работ, находящийся в процессе становления, генеалогические линии которого могут далеко простираются в историю машин последних двух столетий.

Нужно ли понимать это как смену парадигм?

Как смену, нет. Если Вы используете понятие парадигмы не традиции Куна, то есть, не как относительно линейную последовательность смены доминирующих структур науки, то я мог бы вполне согласиться. Здесь происходит изменение не в смысле «смены», последовательности, поочередности, а в смысле существования, как это передает греческое слово *para-deigma*. Это, скорее, нечто, что вырастает на боковой ветви, что расположено как новое наряду с уже существующим. Машинное порабощение выступает вместе с социальным подчинением, машинная борьба обнаруживает себя рядом с демонстрацией, саботажем и всеобщей забастовкой. Ф. Гваттари, впрочем, в *Chaosmose*, своей последней книге начала 1990-х, назвал эту новую парадигму „этико-эстетической“, и формируется она наряду с доминантными сциентистскими парадигмами модерна. Эта этико-эстетическая парадигма, прежде всего, машинная,

потому, что имеет тенденцию проходить сквозь разломы, решетки и порезы.

В какой степени эта методологическая стратегия универсальна?

Я хотел бы воздержаться от такой фокусировки на методе и методологии, тем более, если речь идет об универсальном методе. Методологические вопросы — это порой интересные вопросы, но также и вопросы, посредством которых наука сегодня охотно пускается в разговор сама с собой. Так, например производство знаний всё больше подлежит давлению модуляции, которая может быть понята в двух значениях, в смысле постоянного модулирования (*Modulierung*), что означает выглаживание, подвижные трансформации знания, но также и модуляризации, образования модулей (*Modularisierung*), что означает «разрешечивание» и стандартизацию знания. Позвольте мне назвать Вам некоторые факторы этой двойной модуляции: научное исследование сегодня подвергается всё более жесткому межеванию и иерархизации. Содержание субординировано во всех фазах процесса развития научного исследования. Для университета важным становится, прежде всего, фетиш привлечения дополнительных средств, для поддерживающей институции — возможность оценки и измеримость качества результатов. Конструирование жизни в форме академической биографии становится все более подверженным исчислению. Подобную измеримость нужно понимать здесь буквально. Даже в науках о духе и культуре отдельные части биографии ученого всё более и более подвергаются количественной оценке. В то же время, биография также должна модулировать, непрерывно отображать континуальную трансформацию жизни или, по меньшей мере, утверждать эту модуляцию. Дикое и трансверсальное письмо укрощается и подчиняется, на возможно более раннем этапе, аппаратам уничтожения креативности дисциплинарных учреждений. Здесь отлично учат тому «как написать научную статью», с тем, чтобы инвестировать последний остаток изобретательности в жесткие каркасы академических технологий. Вы только подумайте о сотнях тысяч страниц, которые ежедневно используются диссертантами-гуманитариями, только для того, чтобы по возможности лучше вписаться в становящиеся все более жесткими «решетки» академического письма. В механизмах стандартизации академической жизни требование методической саморефлексии теперь занимает особое место. Прежде чем пишущие наносят удар по каким-нибудь идеям или политическим позициям, они упражняются в подчинении методологическому фетишизму. Главный инструмент укрощения дикого письма — это, разумеется, научные журналы, прежде всего, рецензируемые. Введенные когда-то с целью объективации результатов и форм исследований, они давно уже действуют в качестве инструмента (само-)управления, укрепляя существующие структуры порабощения и содействуя поддержанию принятых в них механизмов включения и исключения. Гегемония топ-журналов обнаруживает монополизирующее воздействие этих механизмов, а также затрагивает вопросы существования авторского права. Вместо того, чтобы форсировать Copyleft, Creative Commons и Commons в целом, журналы, институции и издательства требуют все большего и большего контроля над авторскими правами.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| Машинный поворот: изобретение вместо методологии |

Если вернуться к машинам, их исследованиям и исследованиям с их помощью... Машина существует как «машинный ассамбляж», каждый раз собирается вновь, преобразуется, движется или действует. Речь идет о постоянном изобретении, нахождении средств анализа вместо втискивания материала в уже имеющиеся методологические рамки. Но где проходит граница между изобретением и интервенцией? Какие силы устанавливают эту границу? Знание, сила воображения?

Дифференциацией интервенции и изобретения Вы провели важное различие. Сделан лишь один шаг от Inter- к In-vention, но эта маленькая разница больше, чем может показаться на первый взгляд: в то время как интервенция, по известной причине, представляет собой вторжение в уже существующее, инвенция предполагает возможность изобретения нового. Интервенция стремится породить разрыв, инвенция добавляет к нему силу изобретательности. Интервенция врывается в наличествующую зону, инвенция образует новую территорию, естественно, не просто как creatio ex nihilo. Как постулировал французский социолог Габриель Тард в «Универсальной оппозиции», изобретение — это ассоциация сил, которые перед изобретением были противоположны друг другу. Они, вероятно, уже с самого начала развились подобным образом, но лишь теперь показали себя в качестве оппозиции, как противопоставление или бесплодная конфронтация. Изобретение не является связью не родственной интервенции сил, акцент здесь сделан на начале нового, основании и продолжительности. Речь, скорее, идет об этом, чем о разрыве с наличествующим или о создании новой констелляции сил.

Как, следуя работе Вальтера Беньямина «Автор как производитель», интеллектуал должен создавать не только продукт, но и средства производства, изменять, осуществлять организационную функцию? Для интеллектуала это средство — образование (знание): «Автор, который ни чему не учит писателей, не учит никого».

Да, это связано с вопросом об изобретении. В то время как интервенция автора в конечном счете вписывается в территорию в качестве ее функции, таким образом приспособиваясь к ней, инвенция связана с тем, чтобы изменить аппарат производства, и вместе с ним всю грамматику письма. Обращаясь к современности, мы увидим, что в модели «медиаинтеллектуала» (например, по Бурдье), интеллектуальность является не больше, чем инструментальной функцией средств массовой информации. В этой функции интеллектуалы действуют как поставщики сенсаций средствам массовой информации, в кратчайшие сроки давая комментарии по любой теме. Это можно назвать интеллектуальной интервенцией. Такая позиция субъекта характеризуется нарциссизмом и едва ли утолим желанием медиальной репрезентации. Наоборот, либеральные средства массовой информации и СМИ креативного класса нуждаются в предсказуемой провокации шумных литераторов и шепчущих философов. Вместо поддержания фигуры тщеславного, впрочем, почти полностью мужского, медиаинтеллектуала, следовало бы теперь оживить машинную интеллектуальность, которая соответствует сегодняшнему формированию всеобщего интеллекта. И, наконец, необходи-

мо преумножение абстрактных машин, таких как «Что делать?», которые в движениях трансверсального интеллекта берут на себя задачу выстраивания сопряжений. В никогда прежде не существовавшей ситуации крайнего рассеяния способов производства и образов жизни, их функция состоит, прежде всего, в содействии сопряжению разрозненных сингулярностей. Их не следует больше понимать как органических интеллектуалов в логике привычной репрезентации, но, скорее, как оргиастические органы трансверсального интеллекта.

И наконец, Вы — инициатор и издатель книжных серий «Republicart. Kunst und Öffentlichkeit» и «Es kommt darauf an. Texte zur Theorie der politischen Praxis», а также «Inventionen». Над какой книгой Вы сейчас работаете?

Я как раз написал две небольшие книги под названием «Фабрики знания» (Fabriken des Wissens) и «Индустрии креативности» (Industrien der Kreativität). Они будут изданы сначала в швейцарском издательстве Diaphanes по-немецки, затем соединенные в один том в Ombre corte на итальянском (с послесловием Тони Негри, чему я очень рад) и, наконец, снова в моем любимом англоязычном издательстве Semiotext(e). В них, я, прежде всего, стремлюсь расширить философию машин (в кавычках), которую я развивал в книге «1000 машин», на дальнейшие территории фабрики индустрий. Но, как я уже сказал, это философия машин в кавычках, ибо, для — по-прежнему наполовину обязанной Феликсу Гваттари — теории машинного, нет определенного расширения машины, поскольку в этом отношении машина может быть чем-то гораздо большим, чем самая большая фабрика. Любая индустрия меньше, чем абстрактная машина. То, что я хочу найти — это особые режимы существования пространства и времени: фабрика как территория конденсации [Verdichtung] и индустрия как ретерриторизация времени. В то же время, я пытаюсь исследовать миры когнитивной и креативной работы как территории эксплуатации и само-прекаризации, но также и как новые формы сопротивления. В первой части «Фабрик знания» университет находится в центре внимания как территория двойной модуляции. Модуляризация, нарезание и разрешетчивание знания и его субъектов сопровождается здесь новыми формами, модуляция осуществляется самоуправлением, машинным «выглаживанием» и служливой детерриторизацией. В тексте показаны возможности вторичного присвоения в пределах и вне стен университета: от фигуры уволенного преподавателя через изобретение трансверсального интеллекта до конкретных движений захвата последних лет (итальянское onda anomala, хорватские захваты в июне 2009 и, наконец, uni-brennt-bewegung осенью 2009). Вдоль всех этих линий проходят ретерриторизации: новые способы использования фабрики-университета как места конденсации, аккуратной «нарезки» территории, «свежевания» пространства. Во второй части «Индустрий креативности» речь, прежде всего, идет о культурной матрице, которая в последние десятилетия была по-новому организована под знаком «креативных индустрий». При этом, художники и деятели культуры действуют как авангард постфордистской эксплуатации аффектов, коммуникации и креативности. Неолиберальный «индустриальный поворот» приводит к детерри-

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| Машинный поворот: изобретение вместо методологии |

торизации режимов времени, с которыми теперь увязывается ценность всеобщего времени постиндустриальных субъектов. Этой услужливой детерриторизации времени я хотел бы противопоставить совсем другую форму индустрии: неподатливую «индустриозность» (Industriosität), которая рука об руку идет с самостоятельной ретерриторизацией времени и пространства. В движениях захвата 2011 года — от Касба в Тунисе и площади Тахрир в Каире, через движение М-15 в Испании и захват бульвара Ротшильда в Тель-Авиве, вплоть до движения оссуру осени 2011 года — выразилось это повторное присвоение времени в качестве центрального аспекта развития новых форм организации и образов жизни.

И поскольку Вы спросили о редактируемых мною сериях: в серии Republicart, которая исследует отношения искусства

и политики, мы готовим к печати книгу моего коллеги Оливера Мархарта по политической эстетике. Венская серия Es kommt darauf an продолжится книгой об испанском коллективе Precarias a la Deriva «Управление прекаритетом» Изабель Лорей и несколькими текстами по когнитивному капитализму. Эта серия нацелена, прежде всего, на то, чтобы публиковать небольшие сочинения по теории политической практики, сопровождать актуальные движения и социальную борьбу теоретической продукцией, сопрягать друг с другом дискурсивные и социальные машины. Осенью выйдет в свет второй том серии «Inventionen», в котором мы пытаемся по-новому собрать воедино концептуальные находки постструктуралистской теории, с тем, чтобы политизировать ее открытия, сделать их актуальными сегодня, и, если повезет, «изобрести» заново.

